

Александр Аннин

Второе ружье

Сюжет основан на реальных событиях, произошедших в начале 1980-х годов в Забайкалье.

1. Половинки ссорятся

— За кого я вышла замуж? А? Нет, ты мне скажи!

Остронося Ниночка стояла над распростертым Володей Жарковым, вперив руки в боки. Володя сонно застонал: тело и кости ныли после вчерашней многочасовой разгрузки ящиков с пивом, шипучкой и прочим пойлом, которого он на дух не переносил. Чай, братцы, только чай — таково было многолетнее спортивное кредо бывшего чемпиона по биатлону...

Он не употреблял даже на охоте, не взирая ни на какие уговоры сотоварищей, считавших, что выпить накануне «потравы», а уж тем более — обмыть трофеи, дело святое. Нет-нет! Когда-то увлечение спиртным уже сыграло в жизни Жаркова не самую приятную роль...

Но вот сон — это действительно святое! Тридцатидвухлетний Жарков непреложно верил, что чем дольше и глубже спит мужик, тем лучше и

для его здоровья, и для его карьеры — на любом, кстати говоря, поприще. Почему бабы этого не понимают, а? Вот, к примеру, ворона, что поселилась в ветвях рябины аккуратно напротив окна их спальни. Чуть забрезжит первый луч света — орет во все горло, радостно так возглашает:

— Карр! Я проснулась! Карр! И весь мир должен не спать! Ведь я-то уже не сплю!

А время — пять утра, между прочим...

Точно так и жена — раз уж она на ногах, то и мужу никак нельзя покайфовать лишний часок под одеялом. Ворона...

Володя скосил глаза к будильнику. Времени, слава Богу, не пять утра, а все одиннадцать. Действительно, пора вставать. Июньский день за окном всюю набирал силу. Если бы не вчерашние трудовые подвиги, так можно было бы и на охоту выбраться — тем более, что накануне, первого числа первого летнего месяца, в области открылся сезон отстрела кабанов.

Жарков рывком сел на постели и принялся было по привычке за утреннюю физзарядку — сделал два-три резких движения локтями; но острая боль в перетруженных мышцах заставила его прекратить разминку, глухо застонать...

— Я выходила замуж за успешного мужчину, за мировую знаменитость, за богатого человека! — выпалила Ниночка, швырнув на пол свою

застиранную кофточку. — Но я была душой... На самом деле я стала женой ничтожества, грузчика! Какая же я дура!

— А я вовсе даже не грузчик, — угрюмо буркнул Володя. — Я — старший экспедитор крупнейшей в городе продовольственной базы!

— Угу. Старший помощник младшего дворника, — язвительно пропела жена.

— Неправда! — начал кипятиться Володя. — У меня даже подчиненные есть. Водитель и...

— Грузчик, верно? Он твой подчиненный! И почему же ты вчера сам ворочал коробки? А?

— Ну... Запил грузчик, что тут поделаешь... На то он и грузчик, чтобы время от времени запивать. Вот мы с водилой и загружали фургон вместо него.

— А потом по магазинам разгружали! Отлично! Лучше бы ты сам пил, да деньги в семью приносил хорошие! Какой прок от твоей трезвости! А водиле, поди, из своего кармана заплатил, да? Знаю я тебя, ты всех на свете жалеешь, кроме родной жены!

«И так — каждое утро, — с горечью подумал Жарков. — Каждое воскресное утро. Слава Богу, хоть в будни я встаю раньше ее, уйду, пока она спит. Подумать только! Попрекает меня тем, что я не пью. Другие жены только мечтать об этом могут! А тут... Не одно, так другое».

— А знаешь, — сказал Володя вслух, — я ведь прекрасно понимаю, почему ты сегодня с утра не в духе.

— И почему же? — грозно придвинулась Ниночка.

— Только потому, что вчера вечером я так устал, что сразу спать завалился. Не позанимался с тобой любовью. Первый раз за четыре года совместной жизни. Ты, детка, совсем избаловалась.

— А хотя бы и так! — выкрикнула Ниночка. — Секс — это моя единственная отдушина в нашем унылом браке. Других-то радостей ты мне подарить не можешь. И еще говоришь, что я избаловалась. Вон, кофточку разнесчастную постирала, а пятна все равно проступают. Последний раз уж не помню когда себе шмотки покупала...

— Так было не всегда, — упрямо гнул свое Володя. — Забыла, как по бутикам исландским шастала?

— Лучше даже не вспоминай! — закричала жена. — Почему ты не остался в Исландии? Тебе же предлагали контракт, а потом — тренерскую работу! Не-е-т, ему родная Вылегжа дороже! Он патриот! Он захотел тут и только тут биатлонистов тренировать... Подростающую, блин, смену...

— Но я же не виноват, что у нас в Вылегже школу биатлона закрыли, — простонал Володя.

А сам подумал, что жена в свое время была права: надо, надо было плюнуть на все и остаться в Исландии, подымать тамошний, не слишком-то процветающий, биатлон. Сначала побегал бы на международных соревнованиях за сборную этой красивой, суровой и на удивление богатой страны, после этого сделал бы тренерскую карьеру... А какой чудный домик предлагали им с женой в Рейкьявике! Бесплатно, в полное владение...

Но для виду (и, кстати говоря, из принципа) Володя твердо решил не сдаваться в этом очередном выяснении отношений со своей половинкой:

— Вот ты говоришь, у тебя в жизни радостей нету. А ты устройся на работу, и будет у тебя, гм, радостей — вагон и маленькая тележка!

— Что? Что ты сказал? — зашлась во гнев юная мадам Жаркова. — Я — на работу? А ты тогда зачем мне нужен? Я выходила замуж не для того, чтобы пахать как проклятая!

— А для чего? — прищурился Володя. — Может, для того, чтобы детей рожать?

— Не смей попрекать меня этим! — взвизгнула остроносенькая Нина. — Я уже всех врачей в этой дыре обошла... Здесь тебе не Москва, здесь нет хороших специалистов! Да и не с нашими деньгами...

— Скажите пожалуйста! — Володя

саркастически хмыкнул. — Бедная страдальца... Только вот я недавно нашел у тебя таблеточки. Те самые. Ну... Которые против беременности.

— Да! Я пью эти таблетки! Я не желаю плодить нищету! Я хочу, чтобы мои дети родились и жили в нормальных условиях, в московской квартире! Чтобы они были москвичами, а не этими... как их... Вылегжанами... Вылегжанинами... Тьфу! Язык сломаешь!

С этими словами Ниночка вторично шмякнула об пол ни в чем не повинную кофточку и вышла вон из спальни.

* * *

По странному стечению обстоятельств (а может, вовсе и не по стечению обстоятельств, а согласно неумолимой и жестокой логике бытия), примерно такой же разговор, с похожей семейной подоплекой, происходил этим воскресным утром в убогой квартире молодого оперативника местного управления полиции Антоши Чудилова.

— Просто удивительно, как это у нас что-то осталось в холодильнике на завтрак, — ворчала жена Фрося. — Надо же! Целых четыре яйца, огрызок заветренной колбасы... И даже масло есть!

Чудилов делал вид, что не слышит, он сопел в раскрытую книгу, сидя за кухонным столом.

— Радуйся, щас яичницу свою любимую лопать будешь. Потом, как всегда, по бульвару пойдем гулять... Раскланиваться со встречными-поперечными — ты же, как-никак, у нас местная знаменитость, убийц ловишь! Потом как бы случайно к другу твоему престарелому забредем, ты засядешь с ним в шахматы играть, а я буду развлекать его почтенную супругу рассказами о веселой студенческой жизни в Московском университете... А там и воскресенью конец, завтра опять на работу. Боже мой! Что за жизнь такая!

Антоша подавленно молчал.

— Что хоть читаешь-то, муженек мой безрадостный? — потрепала его по голове Фрося.

Чудилов воспрянул духом: ему почудились едва уловимые, теплые интонации в ее голосе.

— Куприна читаю, Александра Ивановича... Занятный рассказец.

— Куприна, эка! — передразнила жена. — Его еще в школе читать надо было, а не в тридцать лет. Вчерашний день догоняешь? Ну-ну. Не догонишь, Тошенька!

— Мне двадцать шесть, — поправил ее Чудилов, строго глянув поверх очков.

— Эх, Тоша, Тоша, — махнула тряпкой жена. — Все твое прошлое и все твое будущее в Москве остались. Тут ты человек без возраста, без перспективы. Ни рыба ни мясо. Надо было за

Москву цепляться после диплома-то, а не в эту тьму-таракань переть.

— Здесь сразу двухкомнатную квартиру предложили, должность хорошую, по специальности... Убойный отдел. Как раз то, о чем я мечтал с детства. Что я, зря на юрфаке парился? И уважают нас все.

— Ты опять о себе только... — всхлипнула жена. — Я вот вместо своей юридической специальности парикмахершей тут пристроилась, коров этих вылегжанских стригу...

— Стригут не коров, а овец, — снова поправил жену дотошный, придирчивый Чудилов. — И никто тебе не мешает устроиться к нам в ГУВД. Хотя бы дознавателем. Или инспектором по делам несовершеннолетних.

— Да? Ты это серьезно? Тогда у нас по утрам даже яичницы с колбасой не будет!

— А ты бы рядилась поменьше, — неуверенно, даже как-то робко заметил Чудилов. — Зачем тебе столько платьев, кофточек, юбок? Все равно ведь никуда почти не ходим!

Но супруга уже не внимала доводам мужа. Она завела извечную свою шарманку:

— Всю жизнь мне не везет, горемычной... Сначала родители подсюропили — Евфросиньей назвали. Мода была, видишь ли, такая в начале 90-х, а мне теперь до конца дней расхлебывать.

Фрося Пупкова, нарочно не придумаешь! Фрося Бурлакова — и то лучше... Думала — замуж выйду, хоть фамилия нормальная будет. И — на тебе! Чудиловой стала. Что хрен, что редька... Ну прямо злой рок какой-то, а не судьба! «Молодая вылегжанка Фрося Чудилова». Разве об этом я мечтала? И мы с тобой в МГУ разве об этом мечтали?

Антоша крикнул, промолчал. Но долго молчать он не мог — просто-напросто не умел. И, перекрывая своим мальчишеским тенорком клетот яиц на сковороде, заговорил:

— Знаешь, какой есть удивительный рассказ у Куприна про настоящую супружескую верность и взаимовыручку? Прочти, полезно будет!

— Ты прекрасно знаешь, что я не люблю читать, — обиженно ответила Фрося. — Я мультики американские люблю... Про любовь. «Русалочка», «Красавица и чудовище»...

— Тогда я коротенько расскажу, пока ты яичницу жарить. В общем, молодая семья армейского офицера живет в нужде, в глухой провинции.

— Как мы, — бесцветным голосом вставила жена.

— Точно, прям как мы, — примирительно согласился Антоша. — И даже звание у него как у меня, поручик — то бишь летёха. Так вот, одна у

них осталась надежда выбиться в высший свет — если поручик поступит в петербургскую Академию Генерального штаба. И он изо всех сил старается... Надо карту местности для экзамена начертить — точную-преточную. Начертил. И вдруг — бац! — кляксу посреди ватмана посадил. Переделывать поздно, утром приезжей комиссии сдавать карту надо. Жена — в слезы. И вдруг — нашла решение, как спасти карьеру мужа! Кляксу замалевали, как будто кустарник растет, а сами всю ночь крыжовник и смородину из своего сада на то место пересаживали.

— И что? — заинтересовалась жена.

— А то! Стал утром экзаменатор из академии проверять — все в точности на карте, как на местности! И поручик поступил, они в Питер переехали. Такая вот дружная семья.

— Это ты к чему сейчас сказал? — подозрительно спросила жена. — Ты на что намекаешь?

— Да так... — пожал плечами Чудилов. — Так просто, к слову пришлось.